

Московский Центр Карнеги

Carnegie Endowment for International Peace

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
И МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Москва • 1998

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИГРАЦИОННЫХ СИСТЕМ КАЗАХСТАНА, РОССИИ, КИТАЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Нурбулат МАСАНОВ

История человечества всегда была историей освоения пространства посредством миграционных переселений. Миграционные процессы с древнейших времен и вплоть до эпохи великих географических открытий имели естественно-экономический характер и в основном канализировались в рамках гигантского евразийского пространства по водным артериям. Их динамика определялась степенью хозяйственно-культурной емкости экологической ниши, способностью человечества осваивать и использовать ресурсы среды и вследствие этого дисбалансом в способах природопользования, нарушениями равновесного состояния и необходимостью поиска иных жизнеобеспечивающих ареалов. Вследствие этого на территории нашей планеты формировались различные миграционные системы — интенсивно-напряженные с высокой плотностью населения в речных долинах тропического и субтропического, позднее умеренного пояса, малонаселенные, дискретные земледельческо-оазисные системы по речным долинам в горных и предгорных районах, слабозаселенные скотоводческие в степных и пустынных зонах, охотничье-рыболовные в лесных районах, крайне редконаселенные в арктическом поясе и т. д.

По мере эволюции и прогресса человеческое общество создавало чрезвычайно сложную сеть несинхронно развитых, несинхрон-

но интенсивных, несинхронно населенных, несинхронно мигрирующих популяционно-культурных систем, которые неадекватно и несинхронно отзываются и реагируют на сложные социально-экономические и политические процессы на нашей планете. В частности, в настоящее время можно, например, наблюдать сосуществование различных миграционных систем на Земле: прежде всего гигантской китайско-индийской (вообще свойственной всей Юго-Восточной Азии) системы, насчитывающей более половины всего человечества с фантастически высоким потенциалом эмиграции, и чрезвычайно емкой североамериканско-западноевропейской системы с весьма высоким иммиграционным потенциалом.

Наряду с этим прослеживается существование маргинальных подсистем, в которых действие естественно- и социально-демографических факторов временно смещено, смазано государственно-политическими процессами: политика дискриминации и «закрытых шлюзов» со стороны государства деформирует их и не дает проявиться в полной мере. Лучший тому пример — Япония, сюда можно отнести многие западные государства, Прибалтику и т. д.

Есть и обратные примеры, когда действие демографических и социально-экономических факторов деформировано в сторону провоцирования эмиграции, несмотря на явный дефицит населения.

Иначе говоря, миграция представляет собой социодемографическую систему, экономически локализирующуюся в пространстве и нередко территориально изолированную в государственных границах.

Любая миграция является прежде всего проблемой выбора и поиска человеком, группой, народом оптимальной экологической и социокультурной ниши, достижения равновесного природопользования, способом взаимодействия человека и территории, стремления различных людских сообществ, передвигающихся по ойкумене, к достижению пространственного гомеостаза со средой во всем ее многообразии и преодолению дисбаланса в стратегии выживания и жизнеобеспечения.

Проблема миграций чрезвычайно актуальна для такой большой и одновременно слабозаселенной и малоосвоенной страны, как Казахстан, где на территорию более чем 2,7 млн кв. км приходилось в XVIII в. не более 3 млн человек, в конце XIX в. — немногим больше 4 млн, а ныне, столетием позже, — порядка 16—17 млн

человек. Средняя плотность населения составляла два столетия назад немногим более 1 человека на квадратный километр, в конце прошлого века — 1,7 человека, а по прошествии сотни лет, в конце XX в., ненамного больше — 6 человек. История Казахстана — гигантской территории, связующей внутриконтинентальный хартланд с прилегающими к морям степными пространствами, — это прежде всего история бесчисленных многовековых разнонаправленных и многовекторных миграционных потоков во все стороны света, игравших чрезвычайно важную роль как в процессах этно-, расо- и глоттогенеза народов Евразии, так и в становлении и развитии государственных образований.

Такой характер функционирования Казахстанской экосистемы определялся невысокой степенью ее освоенности и был детерминирован в первую очередь географическими условиями — крайне ограниченными для жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей природными ресурсами, абсолютным преобладанием пустынного, полупустынного и степного ландшафтов. Аридный и резко континентальный климат, сезонный характер увлажнения и функционирования едва ли не всех элементов экосистемы лимитировали деятельность человека и требовали от него своеобразных форм социокультурной адаптации.

Вследствие этого в доиндустриальную эпоху абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной отраслью хозяйства и всей системы природопользования в аридной зоне Евразии было кочевое скотоводство. Результатом всеобщности доминирования кочевого скотоводства в структуре хозяйственных занятий вплоть до середины XX в. была низкая плотность населения — 1—2 человека на квадратный километр.

Земледелие в засушливом поясе Евразии не имело естественно-природных условий для развития и поэтому никогда не приобретало и не могло приобрести сколько-нибудь существенного значения. Такой характер развития хозяйственных занятий в регионе самым фундаментальным образом влиял на характер, направленность и природу миграционных потоков, ограничивая миграционный потенциал оседло-земледельческих народов и, наоборот, стимулируя переселения разнообразных скотоводческих и кочевых племен.

Вместе с тем Казахстан является частью обширного пояса аридных земель, протянувшихся на много тысяч километров вдоль все-

го Евразийского континента с востока от берегов Тихого океана на запад, захватывающих Северную Африку вплоть до берегов Атлантики и образующих гигантский внутриконтинентальный «тектонический разлом», отделяющий южные азиатские, преимущественно основанные на орошаемом земледелии и избыточном населении, «жаркие» и «влажные» субтропические культуры от северных, базирующихся на неполивном земледельческом хозяйстве, «холодных», лесных «бореальных» культур. Вплоть до эпохи великих географических открытий южные культуры, этносы, племена, страны, религии, государства, цивилизации доминировали. Поэтому в это время в развитии Евразии, несомненно, преобладал «сирокко» (жаркий южный ветер), когда импульсы шли в основном с юга — из Китая, Ирана, с Ближнего Востока, из Средиземноморья. Но с эпохи позднего Средневековья со смещением морских путей на север усилился более холодный «мистраль» — мощный ветер инноваций с севера, прежде всего из Северной Атлантики и прилегающих к ней районов Евразии.

Такая направленность несинхронного развития и эволюции мировой цивилизации детерминировала разнонаправленные миграционные потоки внутри евразийского континента, поскольку для всех аграрных регионов, как для плотно населенных земледельческих территорий, так и для, казалось бы, малонаселенных кочевых ареалов всегда остро стояла необходимость «сброса» излишнего населения посредством мощных миграционных потоков и военно-политической эскалации. Для первых из них в античную и средневековую эпоху это могло происходить в форме инфильтрации мелких групп земледельческого населения на периферию номадных ареалов и военно-завоевательных экспансий на границах оседло-земледельческого мира, для вторых — в форме мощных трансконтинентальных инвазий, захлестывавших огромное пространство аридной зоны Евразии.

Территорию Казахстана на этом этапе всемирно-исторического процесса можно представить как продуваемый всеми ветрами гигантский коридор, связующий Внутреннюю Азию через Понто-Каспийские степи, Юго-Восточную Европу и Среднюю Азию с Западом и Средним и Ближним Востоком. Начиная с эпохи бронзы и вплоть до середины XVIII в. по этому коридору (главным образом с востока на запад и юго-запад, реже с северо-запада на юг и юго-восток) шествовали нескончаемые орды скотово-

дов, позднее — «не знающие страха и поражений» неуловимые кочевники, осуществлялись великие переселения. На смену древним автохтонным дравидам и более поздним насельникам — европеоидам индоариям и иранцам пришли тохары и восточные иранцы, а на смену им — финно-угры и монголоидные тюрки и монголы. За одними группами тюркоязычных кочевников приходили другие — тюрков-тюцзюе и тюргешей сменили карлуки, огузы и кыпчаки, дериватом последних стали узбеки и казахи.

В эпоху после великих географических открытий миграционный рисунок претерпел кардинальные изменения — поток переселенцев с юга постепенно иссяк, кочевые источники миграций на Востоке хотя и были изолированы либо вовсе уничтожены, по инерции агонизировали вплоть до середины XVIII в. — последними из них стали грозные джунгары. Затем началось широкомасштабное освоение аридного пояса Евразии уже с севера и северо-запада, которое сопровождалось первоначально втягиванием этих территорий в состав крупных централизованных государств, а затем массовыми регулируемым переселениями.

В процессе присоединения Казахстана к России на первом этапе имела место так называемая «военно-казачья» колонизация, когда происходило заселение сети строящихся военных пикетов, редутов, поселений, станиц, крепостей, окружных приказов и пограничных линий военно-казачьим населением. С середины XIX в. началась инфильтрация русского переселенческого населения, которая с 90-х годов XIX в. трансформировалась в более или менее выраженный миграционный процесс, а после столыпинских аграрных реформ 1906—1910 гг. — в мощный миграционный поток русско-украинского крестьянства.

Русская иммиграция в Казахстан была следствием отмены крепостного права в 1861 г. и массового обезземеливания российского крестьянства, которые положили начало столетию русско-славянского исхода из России. За это время из России эмигрировали миллионы крестьян и горожан, дворян и буржуа, интеллигенции и просто мещан во все стороны света. Основная масса двигалась в западном направлении — на Украину, в Белоруссию и Прибалтику, в Восточную и Западную Европу вплоть до США и Канады. Одним из важных путей канализации «излишнего» российского населения были Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия. На протяжении целого столетия — с 70-х годов XIX в. до

60-х годов XX в. — Россия была резервуаром, «изливавшим» миллионы, десятки миллионов мигрантов.

Помимо этого существовали и другие источники миграций. В 1881—1884 гг. на территорию Юго-Восточного Казахстана после заключения Санкт-Петербургского мирного договора из Кульджинского края переселилось более 45 тыс. таранчей (в 1921 г. принявших новое название — «уйгуров») и более 4 тыс. дунган.

Таким образом, в дореволюционный период преобладающим вектором движения населения были миграции в Казахстан с запада и севера из Европейской части России. Абсолютно доминирующими были регулируемые и направляемые государством миграционные потоки русско-украинского крестьянства. Важная роль в освоении региона принадлежала «служивым людям» — казачеству, военным, чиновникам.

Именно российское государство стало организатором переселения абсолютно наибольшей части мигрантов. Поток с юга и востока был крайне незначителен и не играл сколько-нибудь существенной роли.

Переселялись в основном в поисках свободной земли. Русское крестьянство, являясь носителем хозяйственно-культурного типа неполивного земледелия, осваивало те экологические ниши, в которые вписывалось их традиционное хозяйство. Поэтому основной поток русских мигрантов (более 50%) обосновался в северных лесостепных уездах Акмолинской области. Уйгуры, сарты, дунгане осваивали речные системы, позволявшие им заниматься традиционным для них орошаемым земледелием с помощью ирригационных сооружений.

С установлением советской власти на просторах бывшей Российской империи направленность миграционных потоков с северо-запада на юго-восток не претерпела существенных изменений. Однако их качество подвергалось значительной трансформации. Стимулируемые и направляемые государством миграционные потоки «заковывались» в тоталитарные цепи и уже не косвенно, а напрямую регламентировались командно-административной системой. Казахстан стал местом ссылки для многих социальных и этнических групп населения. Наряду с этим поддерживались и инициировались спонтанные процессы переселения.

Активное стимулирование миграций в советское время в отличие от дореволюционного периода являлось не только и даже не

столько следствием политических или экономических интересов государства, сколько результатом недостаточной приспособленности казахского аграрного населения к особенностям промышленного производства, отсутствия у него необходимых квалификации и опыта, несоответствия его трудовых навыков и стереотипов задачам экономической политики КПСС в регионе.

Многосторонние, разнонаправленные, разновекторные и несинхронные миграционные потоки, пересекавшие Казахстан во всех направлениях, преимущественно из села в город, с севера на юг и восток, затрагивавшие буквально все этносы и этнические группы, доминировали над естественным движением населения. Абсолютное большинство миграций имело вынужденный характер и направлялось тоталитарным государством. Поэтому они нередко сопровождались сильными откатными движениями, например, после начала освобождения европейской части СССР от фашистской оккупации возникли возвратные маятниковые миграции эвакуированных из Казахстана. Позднее после XX съезда КПСС и разрешения депортированным народам вернуться на историческую родину многие из них эмигрировали из Казахстана. Все это время механическое движение населения преобладало над естественным.

Иначе говоря, если в дореволюционное время основной контингент иммигрантов составляли безземельное русско-славянское крестьянство, отправлявшееся на юго-восток в Казахстан на поиски «лучшей доли», т. е. земли, то в советское время ведомое КПСС государство канализировало миграционные потоки в Казахстан представителей «враждебных» классов и этнических меньшинств, т. е. «пятой колонны», чье проживание в местах традиционного расселения представляло прямую «угрозу» интересам Советского Союза. Немаловажную роль в массовых переселениях играли партийно-хозяйственные кампании по рекрутированию добровольных мигрантов для участия в великих стройках социализма — коллективизации, индустриализации, «культурной» революции, целинной эпопее и т. д.

Так, Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала заметное увеличение населения Казахстана за предшествовавший период, несмотря на гигантскую убыль народов республики, и прежде всего казахов, в годы коллективизации, войны и массовых репрессий, главным образом за счет мощных миграционных про-

цессов на более чем 43% (с 6 503 006 человек по переписи 1926 г. до 9 309 847 человек по переписи 1959 г.). Возросла прежде всего численность русских (с 1 279 979 до 3 974 229 человек, или на 210%), тогда как численность казахов, наоборот, сократилась (с 3 713 394 до 2 794 966 человек, или на 24,7%). Соответственно доля казахов уменьшилась с 57,1% до 30,0%, в то время как удельный вес русских вырос с 19,6% до 42,6%. Все эти изменения этнодемографической структуры были обусловлены, с одной стороны, миграционными процессами, а с другой — убылью казахского населения.

С 60-х годов миграционный поток заметно сократился на фоне резко возрастающего естественного прироста казахского населения, которое казахстанские исследователи называют демографическим взрывом. С этого времени естественный прирост населения стал доминировать над механическим. С кризисом экономики в брежневский период, особенно после всемирного энергетического кризиса в 1973—1979 гг., инвестиции резко сократились, и Казахстан снова сделался дальней периферией Евразии. Более того, с 1968 г. миграционное сальдо республики стало отрицательным, а с начала 70-х годов экономический рост прекратился, сельское хозяйство впало в коллапс, а развитие промышленности стало все более однобоким, поскольку на плаву держались лишь сырьевые добывающие отрасли. Иначе говоря, «рынок сбыта» российского излишнего населения, каковым был на протяжении целого столетия Казахстан, исчерпал себя и перестал функционировать, хотя и не перестал быть таковым вообще. Теперь исходным «резервуаром» миграций в Казахстан могут быть только Средняя Азия и северо-западные районы Китая.

Причиной этого стало и то, что сельские источники миграций в самой России исчерпали себя и перестали извергать излишнее население. Демографическая ситуация в самой России характеризуется, с одной стороны, заметным старением населения и процессами депопуляции, с другой — тем, что урбанизация практически полностью «выкачала» дееспособное население из села. При этом не следует забывать, что миграционный потенциал России ныне и в обозримом будущем будет более ориентирован на Запад в развитые страны. Поэтому весьма проблематично, что Россия сможет со временем стать новым источником миграций в юго-восточном направлении. Скорее всего, это уже невозможно. Даже более того, уже сейчас Россия сама становится и необратимо станет в

начале XXI в. «рынком сбыта» излишнего населения для смежно проживающих соседних народов. Мы уже видим, как поток мигрантов из Средней Азии, Китая, Кавказа захлестнул Россию. Во всяком случае, представляется, что для Казахстана миграционный потенциал России утерян навсегда. Мы вправе констатировать изменение миграционной системы в главном ареале эмиграции в Казахстан в последние 100 лет — в России, которая из донора превратилась в реципиента.

Рядом с Казахстаном расположен гигантский эмиграционный донор планетарного значения — Китай, население которого проникло далеко за пределы своей исторической родины и активно осваивает как западное побережье Северной Америки, так и близлежащие сопредельные территории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Интенсивные экономические связи и мощные донорские инвестиции Китая в Казахстане неизбежно повлекут за собой мощный миграционный поток.

На юге Казахстана находится мощный донор регионального значения Узбекистан, излишняя демографическая масса которого, подпираемая политической нестабильностью в Афганистане и Таджикистане и бедностью сельского и маргинального населения, преодолет любые заграждения и легко затопит казахстанскую территорию.

Перестройка и последовавший за этим распад СССР привели к так называемому «параду суверенитетов» и всеобщей этнизации политических режимов на постсоветском пространстве. Следствием этого стал государственно-политический национализм в форме построения «национального» — этнократического по сути — государства под лозунгом «достижения подлинного суверенитета». Иначе говоря, на всем пространстве постсоветской периферии произошла качественная перестройка этнополитической ситуации, которая характеризуется взятием властных полномочий титульной номенклатурой, идеологией которой стал национал-популизм, а кое-где и национал-реваншизм.

Все это привело к дисбалансу в обществе и неравновесному состоянию как в государственно-политической, так и в социально-экономической и этнокультурной сферах. Именно это рассогласование элементов государственно-политической системы и разбалансировка сложившейся за годы советской власти ситуации привели к глубокой и качественной трансформации всего межа-

низма жизнеобеспечивающих функций и процессов жизнедеятельности как на индивидуальном, так и на групповом и главным образом межгрупповом уровнях.

Следствием этого становится интенсивная миграция представителей доминировавшей прежде «имперской нации» и примыкавших к ней этнических меньшинств и превращение прежних «национальных» окраин, на протяжении нескольких последних столетий традиционно являвшихся реципиентами российских миграций, в страны-доноры — и адекватное этому процессу постепенное превращение России в реципиента. Наступает эпоха возврата русского этноса на историческую родину с территории, которая на протяжении столетия осваивалась в рамках единого централизованного государства и с его помощью.

Суверенитет Казахстана, который привел к всевластию бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры и самоличной приватизации ею природных ресурсов страны, стал этапом на пути к формированию новой миграционной системы. Ее возникновение стало следствием становления и развития этнократического режима личной власти и вполне естественно обусловило массовый отток русско-славянского и немецкого населения из Казахстана. Результатом постепенно нарастающих миграционных настроений стал, согласно явно заниженной официальной статистике, выезд из Казахстана русских: в 1993 г. — 170 129 человек, в 1994 г. — 283 154, в 1995 г. — 160 883. При этом отрицательное сальдо русских миграций составило в 1993 г. 123 777 человек, в 1994 г. — 251 934, в 1995 г. — 126 468 человек.

Всего за годы суверенитета эмиграция составила более чем миллион русских и полмиллиона немцев, не считая большого количества представителей других народов. В миграционные процессы в Казахстане всего было вовлечено за пятилетний период более 25% населения — если учитывать всех переселенцев из аула и деревни в город, из района в район и из области в область, из республики в ближнее и дальнее зарубежье и т. д. И все это на фоне сократившегося примерно в полтора раза естественного прироста и в полтора раза возросшей населения, давших почти пятикратное снижение сальдо естественного движения населения.

В миграционные процессы в республике, согласно официальной статистике, только в 1995 г. было вовлечено около миллиона человек, выбыл из мест проживания 614 591 человек, в том числе

225 861 русский, 212 238 казахов, 91 597 немцев, 33 572 украинца, 11 816 татар, прибыло 376 096 человек, в том числе 220 017 казахов, 99 393 русских, 15 848 украинцев, 11 855 немцев. Отрицательное сальдо общего миграционного процесса составило 238 495 человек, и прежде всего за счет русских — 126 468 человек, немцев — 79 742, украинцев — 17 724.

Что же касается внешней миграции, то здесь наблюдается заметное снижение темпов выезда представителей «нетитульной нации». Всего выбыло из республики 309 632 человека, в том числе 160 883 русских, 82 657 немцев, 22 204 украинцев, 10 883 казахов, 7 658 татар и др. При этом официальная статистика указывает на то, что в республику въехало 71 724 украинца, 5 698 татар. Практически у всех народов Казахстана — 97 из 119 национальностей, фигурирующих в официальной статистике 1995 г., — четко прослеживается убыль населения за пределы республики. Единичные исключения составляет небольшой прирост населения по вполне понятным причинам среди казахов — 7 779 человек, чеченцев — 497, ингушей — 101, турок — 94 и каракалпаков — 17 человек.

Итогом массовой миграции русских, немцев и многих других этнических групп является общее снижение численности населения Казахстана за годы суверенитета с 17 млн до 16—16,5 млн и в ближайшей перспективе до 15,5—16 млн человек на фоне пока еще незначительной инфильтрации китайского и таджикского населения, которая, на наш взгляд, является предвестником будущих миграционных потоков с юга и юго-востока. По-видимому, углубляющийся экономический кризис в совокупности с этнократической политикой властей, близоруко рассчитанной в основном на выталкивание «европейского» населения, в течение ближайших 10—20 лет «вычерпают» русско-славянское и немецкое население Казахстана еще на 20—25%, а их высокий средний возраст вкупе со все возрастающей смертностью уменьшат их численность еще на четверть.

Выезд и общее уменьшение численности русского и «европейского» населения, по мысли авторов этой политики, усилит «восточное» влияние, т. е. мусульманские, пантюркистские, «почвеннические», этноцентристские, авторитарно-этатистские тенденции. Таким образом, мы можем констатировать трансформацию миграционной системы в ареале казахстанского государства. На смену существовавшей в течение столетия системе миграций рос-

сийского населения в Казахстан, прибывавшего как спонтанно, так и под жестким государственным контролем, когда Россия являлась донором, «резервуаром», «вулканом», исторгавшим миллионы мигрантов, а имперская периферия была реципиентом, адаптировавшим это излишнее население, приходит новая ситуация, которая характеризуется тем, что иссякает источник российских эмиграций и Россия из донора ныне становится реципиентом, воспринимающим огромный поток русско-славянского населения, начавшего массовый исход с территории своего местопребывания под давлением этнократических режимов. В свою очередь, суверенный Казахстан, всегда являвшийся малонаселенной периферией, куда «сбрасывалось» излишнее население из кризисных в демографическом отношении точек России, впервые в своей истории стал весьма своеобразным «резервуаром», исторгающим достаточно немалый слой эмигрантов. Эта временная парадигма, получившая развитие благодаря особенностям государственно-политического функционирования постсоветских режимов, неизбежно сменится ситуацией, когда отброшенный на века назад Казахстан снова станет реципиентом, вынужденным принимать массовых мигрантов, но уже не с севера — из России, а с юга и востока — со Среднего Востока, Средней Азии и Китая.